

Low Kill Shelter by Porpentine. Перевод @cum_gundam. Спасибо Эшли, что познакомила меня с творчеством автора, и Эндрю за фидбек.

1.

Иран знает, что оно пахнет, даже если сам он не чувствует запаха. Так что после того, как его завернут в бумагу, он просит обмотать его пленкой, в несколько слоев, и выйдя из магазинчика он достает спрей-антисептик, украденный с работы, и брызгает им на сверток.

Он смотрит на телефон. 22:59. Он задержался в лаборатории. Нужно побыстрее добраться домой. У него важные дела.

С соседнего квартала раздается чей-то крик и визг шин. Начинается уже привычная какофония.

Он уже почти не поднимает глаз. Рано или поздно расстояние до выстрелов, до скребущихся когтей начинаешь просто чувствовать. По правде говоря, шум – это даже хорошо. Все сбегается к нему. А значит меньше вероятность, что к тебе через какой-нибудь заросший газон что-то подберется, приняхиваясь, чтоб убедиться, что твои жилы еще полны богатств. Например, как раз через вот такой газон, ведущий к дому с заколоченными окнами, покрытому граффити, смахивающим на пародию, нарисованную в MS Paint. Кто захочет жить в доме, где такое произошло? Только мы не в сказке живем, и кому-то всегда приходится жить в таких местах. Разве дома когда-нибудь окончательно пустеют? Кто-нибудь предприимчивый рано или поздно отмоет все хорошенько и продаст. Или там поселятся бездомные. Или его оставят незаметно раздуваться в цене.

Но сначала должен пройти скверный промежуток времени. Пока запах не выветрится. Пока мизерный шанс заразиться не упадет до нуля, в основном ради душевного покоя, или ОКР, называйте, как хотите. Он шагает по темной улице, прощаясь с единственным на весь квартал работающим фонарем (старая ртутная газоразрядная лампа, которую никто не заменит, когда она перегорит, скудный источник света, но другого нет, как красный огонек какого-то прибора, и в спальне что-то капает. все пришлось убирать самому. потому что даже если сейчас все снова пришло в норму (хахаха), той ночью все были одни. и следующей. и следующей. и пахло так плохо, что нельзя было попасть ни на кухню, ни забраться в кровать, и уж точно нельзя было в ванную, хотя может дверь бы и открылась, если б ты ее хорошенько пнул, или просунул кредитку в дверной проем, но мать неспроста там закрылась, так что ты пошел позаботиться о следующей по важности нужде, на кухню за крекерами, сухими и безвкусными, и ел их, сутулясь, во дворе и подумывал достать из гаража палатку, чтоб не возвращаться в дом, но что-то скребется за забором и ты понял, что все дома в округе – как твой, так что ты возвращаешься в дом, потому что по крайней мере знаешь, что там уже ничего не движется, потому что слышал каждый звук на пути к этой тишине, даже если там не совсем тихо, что-то капает, и собирается газ, и даже в тишине ты знаешь, что на микроскопическом уровне то, что заставило твою семью поступить так друг с другом, еще шевелится, и от этого простого научного знания все остальное кажется суеверием...)

Он считает про себя, ритуал, которому он научился от собственного тела. Вдохнуть хорошенько. Почувствовать стук сердца. Вот, здоровый пульс. И в крови ничего нет. Это точно. Точнее не бывает. Аж скучно.

Чумные дома кончаются и начинаются магазины. И не только магазины, еще многоэтажки, офисы. Район у реки приспособили под них во времена какого-то экономического подъема.

Он набирает код и дверь открывается. Прислушивается, и только потом начинает подниматься. Широкие коридоры и бетонный пол здания ему нравятся. Стерильно выглядит. Легко убирать. Кто, мать вашу, в наше время станет жить в квартире с коврами? Он чуть не рассмеялся, но он умеет не смеяться вслух. Так это называли детские психологи. Настоящий, произвольный смех. Смех, раздающийся не вовремя, смех, разносящийся по коридорам.

Беззвучный смех. Вот такой. Глубже в горле. Поверхностный смешок. Послушный и короткий. И от него есть толк при общении. Заполняет паузы в разговоре. Безопаснее в любой ситуации.

Он достает ключи. Оглядывается по сторонам. Открывает дверь и заходит.

Оборудование разбросано повсюду. В гостиной, на кухне, в мансарде. Ему надо бы все упорядочить, разложить по полочкам, но проблема – хаотичная, и нужно, чтоб вся квартира была как его разум, чтоб не расплескать все, потому что в голове уже не умещается...

Ну, не совсем вся квартира. Есть одна дверь, закрытая на замок. И чем ближе он к ней подходит, тем сильнее он чувствует запах. Вонь горелого сахара с нотками прогорклой мочи.

Он натягивает громоздкий и сморщенный костюм эпидзащиты. Украденный с работы, как и почти все остальное. Работа ничего, как для ужасной. В царивших тогда отчаянии и суматохе никто не заметил, что ему не хватало квалификаций. У него был какой-никакой опыт преподавания, но никакой специализации; он бесцельно слонялся, организм, не нашедший себе ниши. Но его приняли на работу, и теперь он сотрудник института по борьбе с телами. А точнее, одним конкретным телом.

Первую пару лет он изо всех сил старался, чтоб его не уволили, и случайно сложилось, что ему досталась настоящая работа. Тогда еще лелеяли какую-то надежду. Конечно же, найдется способ их вылечить. Не верилось, что всем теперь всегда придется жить с этим страхом. Но бюджеты все сжимались, люди выгорали, и вскоре его работа превратилась в пустой ритуал, и он понял. Никто не ищет лекарство. Пули куда дешевле.

От любой другой болезни цивилизация потребовала бы панацею, если не на практике, то хотя бы в теории. Но другие болезни не так отчуждают. Они могут превратить тебя в урод, может в изгоя, если старость или зависимость считать болезнями. Но ни одна другая болезнь так не заразна, ни от одной другой болезни так не теряют друзей. Семью. Самого себя.

И от их тел почти ничего не остается. Его коллеги все считают, что больных нужно избавить от страданий, как можно на это смотреть, ни хрена не поделаешь, остается только сдерживать этот хаос. И он их понимает. Они так орут, что, когда им делают эвтаназию, то можно наконец-то расслабиться и заниматься обыденными вещами, думать, что ты купишь в автомате, и хватит ли у тебя времени сыграть в новую стратегию, и о прочей обыденной херне, о которой люди думают, о которой им нужно думать, чтоб выживать.

Он надевает респиратор, резиновые перчатки, а главное, резиновые сапоги, потому что пол там просто пиздец какой отвратительный. Он приоткрывает дверь и запах ударяет ему в нос. Что-то маслянистое и соленое. Аромат фекалий. Но это к лучшему, теперь он знает, что респиратор плохо сидит. Он затягивает его потуже, пока запах не исчезает.

Ладно. Он заходит и тут же закрывает за собой дверь, и наступает темнота. Он ненавидит эту секунду, короткую, но такую напряженную. Первобытный ужас. Но дверь нельзя оставить открытой, если до соседей донесется хоть один звук – ему конец.

Он жмет на выключатель у двери. Как всегда, секунду ему кажется, что свет не загорается, что дверь почему-то заело и она не откроется, что...

Комнату заливают красный свет. Может это очередное суеверие, но он перепробовал разные цвета, и красный обеспечивает наибольшее послушание. Он подходит к черте из красного скотча на полу. Конечно, под красным освещением цвет ленты не видно, но он и так знает. Каждый сантиметр комнаты был завоеван болью, страхом и скрупулезными экспериментами.

- Привет, - говорит он низким, спокойным тоном. Тон - результат долгих тренировок. Сам он не испытывает ни капли спокойствия. Но звучать правильно – очень важно.

Звон металла и признаки жизни, как в кино. Звук-ощущение. Смесь дыхания и движения, что-то зарождается в горле, предзнаменование звука.

Каждый раз он начинает одинаково:

- Джесс.

Каждый раз он ждет двух вещей.

Абулия. Вялость. Разбитое, истощенное создание.

Или другой вариант. Плохой вариант.

Иран весь в напряжении, несмотря на цепь вокруг шеи. Шеи Джесса. Нельзя забывать о психологической стороне. Если веришь, что в нем что-то еще осталось, несмотря на внешний вид, нужно считать его человеком, даже если ему плевать, даже если это кажется суеверием. Потому что если доверие здесь вообще существует, то главное – это повторение. Потому что иначе живые организмы не привыкают. А перед ним - живой организм. Чересчур живой, живущий слишком быстро, и мы знаем, что бывает с жизнью, когда она слишком спешит.

черте, разрывает сверток и бросает мясо. Он задерживается на секунду, чтоб посмотреть. Нельзя забывать, на что способен рот Джесса.

*

Иран зарисовывает след от укуса в блокноте, глядя на погрызенную перчатку. Художник он не лучший, но он неплохо научился рисовать зубы. На самом деле ему стоило бы просто сфотографировать ее на телефон, но он опасается держать такие вещи на устройстве, подключенном к сети. И рисование помогает ему думать.

Он листает страницы, наполненные рисунками зубов, черно-белых, не пожелтевших, не покрытых кровью. Это успокаивает. Первая страница. Тогда зубы у Джесса еще были почти все человеческие. Он поздно вырос. У некоторых огромные клыки развиваются как раз к тому моменту, как они сходят с ума. Неприятная комбинация.

Маленькие клычки кажутся такими детскими по сравнению с последним рисунком. Он почти гордится Джессом. Ну и зубищи. Вот как надо правильно заботиться. В институте подопытных держали не больше пары недель, и привязанными к постели. Они были все в пролежнях, их вены чуть не лопались от того, как они тянули за наручники. Все кончалось вивисекцией. Так что он сомневается, что кто-то еще так долго заботился о бешеном, долгие месяца, с постоянным обслуживанием и всеми удобствами. Ему полагается пиво.

Он добавляет в банку сливки и мед, помешивая соломинкой. Джесс всегда любил пошутить про эту его привычку. Но его рот больше не в силах выдать что-то столь членораздельное.

Перед сном он всегда следит за дверью, закрытой на замок, будто его взгляд – единственное, что держит ее неизменно крепко запертой. Дверь закрыта. Дверь в квартиру закрыта. Все на своих местах. И у него в голове. Может у Джесса тоже. На МРТ в институте ни у одного из подопытных не наблюдалось разрушения мозга. Конечно, изменения были, но кто не меняется? Каждую секунду своей жизни.

2. ТОГДА

Джесс тоже работал в институте. С травмированными детьми. Таких уж хватало. Кто-то даже изобрел новый метод специально для работы с детьми, которым пришлось стать, эм, свидетелями повреждений ротовой полости и сопутствующего насилия. Шесть шагов, направленных на переориентацию ребенка обратно в нормальную орально-эмоциональную обстановку.

Забавно. У Ирана никогда не было близких друзей. Но их графики совпадали. На большее большинство людей может и не надеяться. Так что они пили пиво после работы. И Джесс был такой энергичный, в противовес пассивности Ирана. Читал новую книжку, давай сходим в какой-нибудь ресторан, вместо поедания задушенных пленкой бутербродов из супермаркета, я купил новую игру (до чего же легкомысленно, но все, каждая бесполезная глупость, никуда не делась, пластмассовые заводы, маркетинговые конторы и литиевые шахты не исчезли просто потому, что куча народу поехали крышей и умерли).

- Первая была лучше, - говорит Иран, наблюдая как его персонаж шатается под напором неблокируемых атак.

- Но вдвоем все равно весело.

Джесс сталкивает персонажа Ирана в яму огромным хитиновым копьём.

- Ага. Весело.

Иран пьет пиво через трубочку. По глазам Джесса видно, что он хочет об этом пошутить, но он занят попытками забраться на уступ.

- Туда не допрыгнешь.

- Поправка: разработчики не хотят, чтоб я туда допрыгнул. – Джесс долбит по кнопкам. – Но игры вещь сложная, может они просто налажали где-то с обнаружением столкновений.

Чем больше в системе багов и костылей, тем вероятнее чудеса. Маленькие приятные неожиданности. Прямо как в мозгу.

ТЕПЕРЬ

Иран просыпается в собачьем мире.

Одежда на нем та же, что и вчера, мятая и потная. Переодеваться нет времени. Он наливает воду в миску Джесса. Должно хватить. Джесс даже мясо не доел. Сколько бы ни требовал его бешеный мозг, тело у него человеческое, и в желудке все не помещается, и он отрывает мясо, но собаки всегда возвращаются к еде.

Иран делает смузи из овощей. Он всегда в чем-то был аскетом, но жизнь с Джессом сделала его еще рациональней. Постепенно избавившись от всего ненужного, он осознал, сколько у него на самом деле свободного времени.

Он проверяет мансарду. Там стоит скудная система вентиляции, набитая перегородками, подключенная к мощному вентилятору, который двигает воздух и заглушает остальные звуки. От нее гибкая труба проходит через пол в шкаф Джесса. Он больше не спит наверху. Тут слишком плохо пахнет, несмотря на фильтры и нейтрализаторы запаха.

Он чистит зубы щеткой и зубной нитью. Вкус крови от пореза на десне будит в нем капельку симпатии. С Джессом плохо вышло. Но он дает себе вспомнить, чтоб другие воспоминания о зубах, старые, самые первые, оставить забытыми.

ТОГДА

- Я уезжаю на пару дней.

Иран отрывает глаза от монитора. Джесс делает селфи, усевшись на изношенный диванчик у окна лаборатории, его каштановые волосы блестят на солнце, как медь. От него так витает энергией, что Ирану аж тошно, но Джесс редко пользуется этим фактом, так что Иран его терпит.

- Куда собираешься?

- Надо с сестрой повидаться.

- Думаешь стоит?

- Она моя сестра.

- Действительно, - отвечает Иран, будто это мелочь. Он знает, что все эти уютные семейные слова оказываются в одной куче мяса.

ТЕПЕРЬ

Иран едет на работу на такси. Пластиковые щитки между сидениями не дают каплям слюны попасть на других пассажиров. От мысли об автобусах или метро его переполняет паника. Оказаться взаперти. Нет уж.

Он останавливается у магазина возле работы, покупает пиво и кофе. Выпивает половину стакана кофе, чтоб проснуться, затем выливает остальное на пожелтевшую траву, растущую между зданиями. Он оглядывается по сторонам, и затем переливает пиво в стакан из-под кофе, добавляя сливки и пакетик подсластителя. Мусор кружится в воздухе, опускаясь на землю, и наконец присоединяется к желтой куче собратьев.

Институт – унылое здание, и люди там лишь из необходимости. Да и кто захочет украшать памятник неизлечимой болезни? Внутри – помесь офиса и больницы, где изредка встречаются странного вида комнаты, напоминающие детские площадки, останки стартап-культуры. На стенах нарисованы бесполое разноцветные детолюди, танцующие вокруг глобуса. Трубы, как фломастеры, тянутся от пола до потолка. Огромная приплюснутая скульптура стоит выкидышем логотипа обыкновенного.

Он проходит через охрану.

1. Проверка температуры.
2. Унылое тыканье его сумки. Охрана никогда не находят украденное.
3. Шаг через ритуальную арку поломанного металлодетектора.

Каждый день ему приходится видеться с Рэйч. Его менеджером. Бывшей Джесса. Она старше их обоих, носит очки, и с тех пор, как Джесс умер, все больше времени проводит в собственном кабинете. Они говорят об обычных вещах. Привезли новую партию нитриловых перчаток. Автомат до сих пор не починили. Знаешь, что я держу твоего парня на цепи у себя в шкафу?

Что-то в нем умоляет его рассказать ей, что Джесс еще жив. Первый месяц было тяжелей всего. Видеть, как глубоко ее ранило. Может она поймет. Она же ученый. Прагматик. Она была там, с ним, когда снаружи раздавались выстрелы, и каждую пулю потом нужно было

отослать в соответствующие органы. Средство для дезинфекции клубилось как слезоточивый газ, и кислотно-розовая кровь растекалась по коридору.

Но сегодня он встречается ее только уже возвращаясь с обеда, в комнате, набитой сдувшимися креслами-мешками и разноцветными кляксами. Он кивает и шагает дальше, но притормаживает, заметив, что она пришвартовалась рядом.

- Привет, Рэйч.

- Знаешь что-нибудь о пропавшем оборудовании?

- Пропавшем оборудовании.

- Извини уж, начальство сказала расспросить каждого. Козлы.

- Без понятия, я после работы сразу домой уйду.

Больше нельзя ничего воровать. Кошмар. Должно быть он головой ушибся. Не только чтоб воровать, но и все остальное. Случившееся с Джессом явно вызвало какую-то острую реакцию на травму, какой-то шок, из-за которого он вышел из себя. Нужно все сжечь. Зачем он вообще все это затеял?

Ты всегда упорно находил себе какие-то аутистские занятия.

Откуда у него в голове эта фраза? Может он сам ее выдумал, стыдливый коллаж из слов всех, кто когда-либо замечал какой он невротик. Его недолгое увлечение голоданием. Или период, когда он перестал пользоваться электроникой. Скрипт для фарминга в игре, в которую он даже и не играл, сделанный для какого-то парня из школы, которого он считал своим другом. Он сам научился программированию, а месяц спустя все забыл, но раз ему что-то пришло в голову, он дело не оставит, пока не удовлетворит невидимые требования зарождающейся ризомной структуры, и его извращенная логика диктует, что если он не получает никакого удовольствия, значит занимается чем-то дельным. Что, оказывается, очень полезная черта характера, когда приходится заботиться о парне, пытающемся тебя съесть.

- Значит ты не видел никого и ничего подозрительного?

- Может это просто ошибка в базе данных.

- Все возможно в нашем современном мире, - она отвечает вяло. – Отговорок полным-полно.

- Ладно, мне пора, - говорит он, и врезается в красную скульптуру, судя по виду, сбежавшую из лавовой лампы, расплескивая свой «кофе».

Они оба разглядывают лужу на полу.

- Черт. Извини.

Она принохивается:

- У тебя там что, выпивка?

- Аааа.

Она берет у него стакан и делает глоток:

- Что это? Пиво с молоком?

- Со сливками. И сахарозаменителем.

- Сахарозаменителем.

- Ага.

- Странная хрень. Но на вкус ничего.

- Спасибо.

Она делает еще один глоток, на этот раз куда дольше и больше:

- Выпись хорошенько. Вид у тебя ужасный.

- Извини. Я в курсе. Обязательно.

- Вот блин, я подседа, - она продолжает пить.

- Хаха.

Она прищуривается:

- Все точно в порядке?

Ему кажется, он вот-вот развалится. Может она поймет. Может она уже знает. Может она просто играет с ним. Над ним же так просто издеваться-

Внезапно она начинает смеяться, и он с перепугу чуть не выпрыгивает из кроссовок.

- Чего ты такой нервный?

- Ничего.

- Иран, кто мамочкин любимый иммигрант?

Он изображает смех. Минимум смеха. Почти беззвучно.

- Хмм, наверное...

Из кармана ее джинсов раздается вибрация. Она достает телефон с таким видом, будто у нее в руках особо заурядный кусок дерьма.

- Прости, важный звонок, - она подмигивает ему, разворачивается и уходит, прихватив стакан с собой.

В голове проясняется, и он наслаждается охлаждающим ощущением грядущего конца. Нельзя ей ничего говорить. Никто не должен знать. Им никогда не понять, до чего же естественно все произошло.

ТОГДА

Джесса не было уже почти неделю. Он только написал Ирану, что он на стоянке в часе от родного городка. И с тех пор ничего.

Поздняя ночь. Иран моет посуду, раздумывая, мастурбировать ли перед сном. Наверное, сразу спать.

Кто-то стучит в дверь. Он заглядывает в глазок и, увидев Джесса, открывает без раздумий. На его футболке темное пятно, пропитанное потом ущелье, и Иран решает, что Джесс бежал по лестнице, или удирал от этих самых.

- Что случилось?

Джесс проталкивается мимо него, идет в кухонный угол их квартиры открытого типа. Он долго пьет из-под крана, стоя на цыпочках. Тогда Иран наконец замечает, что на Джессе нет обуви.

- Стакан дать?

Джесс вытирает рот:

- Не надо.

- Ладно. Как сестра?

Джесс открывает холодильник:

- Как ты ешь эту вегетарианскую жижу?

- Мне нравится.

- Настоящей еды нет? Вообще никакой?

- Только не злись.

- Я не злюсь. Я просто, - он переходит на шепот, - умом тронулся. Он смеется.

- Джесс?

- Я просто хочу чего-то поесть, мать твою. Мне кажется, на такое вполне можно рассчитывать в гостях у друга. Знакомого. Коллеги. Человека. Я всего-то прошу проявить каплю человеческой доброты. Я же не вконец ебнулся?

- Вроде нет.

Иран находит одинокое яйцо в упаковке, запрятанной в глубине холодильника:

- Могу сделать тебе...

Джесс хватает яйцо.

- О да. Давай его.

Иран достает сковородку.

- Будешь с тостом или?..

Треск. Он оборачивается. Джесс смотрит, как желток вытекает сквозь его кулак.

- Извини. Я случайно.

- Не хочешь прилечь?

- Не хочу прилечь.

Джесс слизывает желток с пальцев. Он подходит все ближе. Так близко, что Ирану слышно, как скорлупа хрустит у него во рту.

- Мне просто чего-то свежего захотелось.

- Может тебе к врачу надо?

Джесс смеется:

- Отличная идея. Сдавать анализы на неизлечимую болезнь.

- Может я смогу им объяснить...

- Там тебе не Тадж Махал, знаешь ли. Хахаха.

Ирану хочется сказать что-то успокаивающее. Но он знает, что это будет ложью. Это не какой-то частичный пиздец. Уж они-то знают, чем все закончится. Они слышали сквозь стены кабинета. Пулей, или каким-нибудь еще новомодным ускоренным инвазивным методом.

Иран отходит и Джесс рывком поворачивает голову вслед за ним.

- Серьезно? Я ничего тебе не сделаю.

- Моя семья тоже мне так говорила.

Люди, так любившие друг друга. Связанные с рождения. Джессу не сравниться с их идеальным теплом.

Иран показывает пальцем на уголок рта Джесса.

- У тебя там что-то.

На пол падает ком слюны.

- Иран, я думал, что ощущения будут совсем другие.

Вопреки всему в Иране просыпается любопытство:

- Вот как.

- Хаха. Тебе любопытно. Любопытно ему. Но знаешь, я начинающий автор. И в искусстве далеко не все надо объяснять словами, безграмотный ты мудак.

- Я читаю книги.

- Документальная литература не считается.

- С чего бы?

- Потому что она об уже произошедшем.

- Ладно.

- Гхк, - Джесс засовывает палец в рот и извлекает розоватый комок слюны. – Если честно, очень даже приятно.

- В каком плане, приятно?

Джесс проводит рукой по джойстику, резко щелкая пластмассой.

- Что тут моя приставка делает?

- Ты ее оставил тут.

- А, точно.

Изо рта Джесса что-то вываливается. Сначала Ирану кажется, что это снова слюна, но, когда оно приземляется на пол, звучит скорее как леденец.

- Чтоб тебя, - говорит Джесс. Он хватает пачку молока из холодильника и надрывает ее. Слишком сильно.

Иран глядит на рваное отверстие в упаковке, из которого льется молоко. Изо рта Джесса в белую лужицу капает кровь, распускаясь красными облаками.

- Погоди-ка, а в соевом молоке выпавший зуб держать нельзя?

- Наверное нет.

- Твой вегетарианский аутизм оставил меня без зуба, - отвечает Джесс, подбирая его с пола со слезами на глазах.

- Новые вырастут.

- Вывалился. Как у гробаного ребенка. Я же с детьми работаю.

- И отлично справляешься.

- Спасибо, Иран. У меня сейчас сердце из груди выскочит. Меня почти никто не ценит. Ты знал? Ты знал, сколько у меня проблем?

- Ты раньше эту тему не поднимал.

- Ну, тогда сегодня это изменится. Это мой вечер, Иран.

- Хорошо, Джесс.

- Ты не шутишь? Мне тяжело понять. У тебя закрытое лицо иностранца.

Иран вздрагивает.

- Я не шучу. Это будет твой вечер.

- Спасибо, Иран. Извини, что я, эм. Сказал так. У тебя чудное лицо. Смотреть на него грустновато, но это у тебя с характером проблема. А само лицо отличное. Если бы ты пользовался его мышцами, мог бы выглядеть почти как модель.

- Спасибо.

Джесс крутится вокруг себя, стуча ладонями о стены.

- Ладно, проблема первая. Я, блядь, целый день занимаюсь этими детишками, но всем насрать, и вообще это пустая трата времени. На то, чтоб осознать, что с ними произошло, у них уйдет добрых лет двадцать, и они уж точно не вспомнят какого-то лоха-психолога.

- Я бы тоже злился.

- Вот где моя награда? Никто, блядь, не говорит, мол, Джесс, ты такой молодец.

- Ты действительно молодец. Был бы ты моим психологом...

- Не смей меня.

- Я серьезно.

- Но теперь мне хана же, да? Я поехавший. Я теперь плохой.

- Я такого не говорил.

- Есть такая штука, называется язык тела. Мог бы ему поучиться.

С каждым словом изо рта Джесса летит слюна. Иран рискует по захламленному столу, и наконец хватает использованную маску, оставшуюся со времен, когда их нужно было носить на работу.

Джесс возбужденно ходит взад-вперед.

- Я все вижу. Мне вообще-то очень обидно, Иран.

Иран находит пару солнцезащитных очков и надевает их.

- Иди ты нахуй, Иран. Говнюк. Арабский ублюдок. Твою же ж...

- Выходит у тебя ужасно.

- Я в курсе. Ничего в голову не приходит. Никаких ругательств. Меня неправильно воспитали. Оставили без образования, Иран.

- В наше время в основном говорят об атомизации власти в невидимых социальных иерархиях, вроде как.

- Спасибо, Иран. Короче. Ххх. Раз так, должен тебе признаться, что хочу сожрать твоё лицо.

- Возьму на заметку.

Иран начинает убегать, чувствуя себя идиотом. Джесс смеется и, метнувшись в сторону, перекрывает ему дорогу к двери.

- Пожалуйста, Джесс.

- Волшебное слово, Иран. Только волшебства не существует. Потому что такая херня случилась со мной очень по-научному, только потому, что я пытался поступить правильно. Разве не бред полнейший? Пытаешься быть хорошим человеком, а превращаешься в плохого.

- Я знаю, это несправедливо, Джесс. Мне жаль.

- Спасибо, - говорит Джесс в слезах. - Ххх. Ххх. Хахаха.
Он начинает нестись к Ирану.

- Прекрати, - говорит Иран, прячась за стол.

Джесс пересекает дистанцию непредсказуемыми скачками. Человеческое тело не должно так двигаться, лицо не должно так быстро менять выражение. Вирус, должно быть, вызывает выделение огромного количества адреналина...

- Думаю, мне не стоит давать тебе укунить меня, - оправдывается Иран.

Он берет приставку Джесса и швыряет ее. Нужно минимизировать количество брызг, ради них обоих. Пользоваться только тупым орудием. Что-то вроде религиозной клятвы не проливать кровь. Приставка разлетается на куски пластмассы, платы и конденсаторы. Джесс опять начинает смеяться, будто происходит что-то смешное, и падает, зацепившись ногой за кабели от джойстиков. Иран отступает, пока не касается спиной стены. Он хватается за длинный черный торшер, освещавший тот угол квартиры, и размахивается им изо всех сил. Джесс ловит его, и у Ирана аж челюсть опускается от силы его рук, чистой животной силы, тянущей его прямо к вспененному рту Джесса. Его веки дергаются в

панике, но что-то в нем шепчет «не забывай». Как бы ты ни пытался забыть, ты не в первый раз смотришь в эту пасть. И по крайней мере Джесса ты не любишь.

Они борются, тянут вверх, вниз, вверх, вниз, вверх, и на следующий рывок вниз Иран тоже тянет вниз, разбивая лампочку, и Джесс наступает на нее и орет, не останавливается, но спотыкается, потому что он все еще ощущает боль, глупое животное, он оставляет за собой кровавые следы, обувь не просто-так изобрели.

Джесс рычит и Иран задумывается, не потерял ли он уже дар речи. Такая быстрая деградация. Иран хватается керамическую тарелку, он раньше никогда не покупал нормальную посуду, только одноразовую, но это подарок от бывшей, и он всегда ими дорожил, и особенно в тот момент, когда тарелка разбивается об лицо Джесса и тот падает на пол, демонстрируя изрезанные стеклом ступни.

Но вот он снова встает, медленнее, но встает, и Иран еле успевает перевести дух, Джесс отрезает ему путь к двери, и они оббегают всю квартиру. Они дважды проносятся мимо шкафа, который Иран окрестил подсознанием, потому что он складывает туда вещи, которые лень разбирать, обещая себе, что займется ими позже, но никогда не приводит их в порядок. Джесс делает резкий скачок, скользя окровавленными ступнями. Иран отскакивает в сторону, ударяясь о кухонный стол. Схватив сушилку для посуды, он успевает остановить пасть Джесса. Кровь вперемешку со слюной течет сквозь решетку импровизированного намордника. Иран пинает Джесса в живот, пока тот не сложится пополам, и фонтан кровавой слюны забрызгивает пол.

Иран прислоняется спиной к столу, переводя дух. Джесс смотрит на него сквозь сушилку, покусывая металл.

- Агхагхаг.

- Твою мать, - говорит Иран.

Он берет со стола свой телефон.

Джесс отрывает челюсть от сушилки:

- Не дай им убить меня, Иран.

Он весь в слезах, но все пытается схватить его. И тогда Иран принимает решение.

*

Он стоит, прислонившись спиной к двери шкафа. Что-то по другую сторону бьется об нее. Ему придется так простоять всю ночь, пока Джесс не уснет. И тогда он побежит за замком.

Он снимает очки. На одной из линз – капля крови. Он надеется, что она не изо рта Джесса, что в ней нет слюны. Не то чтобы это имело особое значение, если на Ирана в этом хаосе попала хоть капля. Он остается наедине с собственными суевериями. Посмотрим, что будет завтра.

А пока Джесс может посидеть в шкафу.

Он возвращается с работы и в коридоре кто-то стоит. Силуэт повернут к нему. Он напрягается, раздумывая, лучше бежать в квартиру или наружу, на открытое пространство.

Он заставляет себя присмотреться. Какой идиот станет убежать от здорового человека?

Бледно-розовая кожа, покрасневшее лицо. Иран отступает на шаг. И тогда он замечает коробку с бутылками пива в руке мужчины.

- Вот черт, Иран. Специалист наш. Я и не знал, что ты тут живешь.

Сначала у него все не получается вспомнить, где же он видел его, но он есть только один вариант – работа, больше он никуда не ходит.

- Привет.

- Я только что сюда переехал.

- Класс. Рад был повидаться, эм...

- Нельсон.

- Извини.

- Ничего. Мы ведь на работе особо не общались.

- Ага.

- Можно тебя на пару слов?

- Ладно.

На пару слов, конечно, можно. Но похоже пара слов для Нельсона означает войти в квартиру вслед за Ираном.

Он прислушивается, ожидая услышать звук скребущихся когтей. Подобие рыка, раздающееся из человеческого горла. Ожидая, что какой-нибудь звук выдаст его. Он быстро подходит к колонке, через которую 24/7 играет белый шум. Чтоб соседи не слышали Джесса может и хватает, но не внутри самой квартиры. Он включает плейлист с блэк-металлом, присланный бывшей, и делает звук погромче.

- Любишь громкую музыку?

- Ага.

- Ты такой стеснительный на работе, в жизни бы не догадался.

Надо придумать какой-нибудь пустой ответ:

- Люди много-чего скрывают.

- Забавно это от тебя слышать.

Чего Нельсон не растворяется в пустоте? Чего его масса и плотность упрямо продолжают сгущаться в этом участке пространства?

- Забавно?

- Ага. Вспомнил кое-что.

- Кое-что?

- Я не слежу за людьми специально. Но я же не безглазый?

Да, не безглазый. К чему ты ведешь?

- Уверен у тебя на то были причины. Возникла какая-то острая нужда в магнитной мешалке.

Иран продолжает молчать.

- Но мне интересно. Ты нашел работу получше, или параллельно дипломную пишешь, или...

- Слушай, я устал. Может как-нибудь...

- Я не пытаюсь усложнять тебе жизнь.

Но все-равно усложняешь. Очень усложняешь.

- Будешь?

Нельсон протягивает ему очень запотевшую зеленую бутылку. Иран качает головой. Он не знает, угрожает ли ему Нельсон, или он просто болтун, но он не собирается от него ничего принимать.

Нужно сменить тему. У тебя на это есть право. Ты же взрослый человек.

- Кстати, чего ты переехал?

Нельсон прислоняется к стенке и пытается снять крышку голыми руками. Морщина усталости прорезается сквозь его застывшую улыбчивую гримасу.

- Дело в соседях. Они вечно ссорились. И я все время просыпался, думая, что это, ну ты понял.

- Ага.

- Я, конечно, понимал, что это не оно, но во сне это знание мало чем помогает.

- Я отлично тебя понимаю, - отвечает Иран, его пульс все быстрее.

- По тебе видно, Иран. Видно, что ты многое повидал. И, может, до сих пор видишь.

- Вижу что?

Иран сам удивлен собственной прямоотой, обычно он только кивает и меняет тему, стараясь избежать конфликта. Но ему нужно знать, что именно известно Нельсону, иначе его пульс не успокоится. Это Нельсон просто так выразился, или он решил, что Иран поехал, может он что-то еще знает, кроме того, что он воровал оборудование...

- Эй, я просто перебрал. Извини. Я понимаю, ты всего-то хочешь расслабиться после тяжелого дня.

- Ага.

Нельсон останавливается в дверном проеме.

- Так приятно познакомиться с соседом. Современное общество такое изолированное, а?

Иран оглядывается на дверь на замке.

- Это точно.

- Это точно. Точно-точно.

- Хаха.

Нельсон выходит. Дверь все еще открыта. Иран дергает за ручку, но тут же ловит ее, чтоб не хлопнуть.

Чуть не потерял контроль. А это работа Джесса. Дверь на замке – ид. Иран – эго. А все остальное – просто супер.

4.

Иран больше не может заниматься Джессом. Тот еле на ногах, отказывается есть, опрокидывает миску с водой, его зубы с каждым разом все ближе, испытывая на прочность его шею. Без ритуала экспериментов, рационального объяснения его неволе, Ирану все кажется престранным и безнадежным. Он вынужден заботиться о больном, который не выздоравливает, в котором почти не остается жизни, но он все высасывает жизнь чужую. Интересно, его родителям тоже было так нелегко? Он очень поздно научился говорить.

- Пожалуйста. Мне просто нужна кровь на анализ.

Ноги Джесса скользят на месте, руки вытянулись, как клыки, цепь так натянута, что он стоит почти в полный рост, как пародия на двуногое, слюна разлетается повсюду. Ирану остается только стоять со шприцом, не зная, как разрешить эту безумную головоломку.

Вернуть Джесса. Сделать то, что ему не удалось с его семьей. Тогда все, все что он потерял, обретет какой-то смысл. Вот тебе и ошибка невозвратных затрат.

На полу что-то липкое. Иран светит на него фонариком.

Желтоватые следы.

Забора подразумевает знание каждой мелочи. Даже вещи, которые люди обычно скрывают от партнеров. Гигиена почти неотличима от идеи человечности, она скрывает этот бесконечный поток выделений, невидимый труд жизни. По крайней мере пока ты в силах ее поддерживать.

- Джесс?

Джесс жмет пахом к полу, у него опять стоит, он подползает все ближе. Иран отталкивает его, и перчаткой задевает пурпурную головку его члена. Он дергается и кончает на пол. Капля попадает Ирану на перчатку, свисая паутинкой.

*

- Джесс, осталось всего-ничего. Пожалуйста.

Вокруг ошейника Джесса вдобавок к красно-коричневым коркам собирается кровь. Если он не прекратит попытки изнасиловать или съесть Ирана (обычные симптомы), такими темпами он сломает себе шею.

- Всего-то один образец крови. И все.

Прошло несколько часов и у Джесса снова стоит, член прижимается к исхудалому животу, с головки стекают капли.

Иран начинает злиться:

- Ты знал, что заразился, но все равно пришел сюда.

Джесс рычит.

- Чего не к своей девушке?

Джесс рычит.

- Потому что она тебе дорога? А я, значит, просто знакомый, и моя жизнь ничего не стоит?

Джесс снова рычит.

- Или ты думал, я пойму?

Джесс рычит.

- Ты же знал, что пойму. Ты знаешь, что случилось с моей семьей.

Они оба по-своему ноют. Семья Ирана тоже его не послушала, в конце концов. Они без всякой логики... – нет. Их логику просто заменила другая. Ему придется научиться уважать ее, чтоб уважать мышление Джесса. Эту резкую смену всех целей и ориентиров.

- Иди ты, - Иран произносит. Ласково.

Ничего. Он в перчатках. Он двигает руку вверх и вниз по грязному, воспаленному члену. Слюна Джесса больше не разлетается повсюду. Она стекает с его подбородка, по перепачканной груди, и вниз к ее источнику, смазывая хватку Ирана.

- Вот что нас отличает, Джесс. Мне тут приходится раздумывать о моих психологических травмах и биографии, а тебе, несмотря на бешенство, дрочат.

Иран понемногу расслабляется. В тесном грязном шкафу думается легче, чем на открытом воздухе. Дрочить кому-то - совсем не его сомнительные эксперименты, здесь есть четкая цель. Это единственное полезное, что он сделает сегодня. Он ни разу никому не дрочил, но он знает, как сделать приятно. Можно писать диссертацию о методах установки контакта со страдающими бешенством....

Он осторожно заглядывает в глаза Джесса. В них нет ни капли осуждения, только животная похоть. Он смотрит в потолок, рот глупо болтается открытым. На удивление приятно, когда на тебя не смотрят в ответ. Так вот зачем заводят питомцев. Это источник близости в безопасных дозах. Он наконец понимает людей.

Глупо отрытая пасть кусает респиратор Ирана. Близость в *психологически* безопасных дозах. Только психологически. Он слишком расслабился, вошел в ритм. Он хватается за цепь Джесса и дергает за нее, его зубы блестят в считанных сантиметрах от лица Ирана. Пластиковые очки все в слюне, он двигает рукой все быстрее, еле видя, главное побыстрее закончить пока кому-то из них не досталось. Рука, которая держит цепь, движется в том же ритме, что и другая, дыхание Джесса звучит как азбука Морзе: вдох-выдох, вдох-выдох, бульк. Что-то меняется в члене Джесса, он окончательно затвердевает. Иран еще усиливает хватку, и Джесс выгибается всем телом. Слюна начинает стекать ему в нос, он захлебывается, пытается отдышаться.

Вот и все. Следы украшают стену напротив. Отличный выстрел, Джесс. Страдающие импотенцией, возрадуйтесь, от бешенства у вас будет стоять, как никогда! А главное, это совершенно бесплатно.

Джесс сворачивается клубком, и только тихонько рычит, когда Иран находит вену.

- Вот так. Почти все.

Иголка легко проникает сквозь кожу. Шприц наполняется кровью, густой и нездоровой.

Он тянется вглубь холодильника за пакетом с остатками заказанной когда-то еды. Рука нечаянно касается холодного стекла. Он приготовил раствор еще два дня назад. Каждый

раз, как он на него смотрит, его одолевает дурное предчувствие. Ему придется оставить свой порядок (отвратительный, неприятный, но какой-никакой порядок, который помогал ему держаться) и наконец узнать, не поехал ли он окончательно.

*

Джесс дрожит, лежа на полу, всем телом сопротивляясь снотворному, которое Иран подбросил в воду час назад.

- Джесс, мне надо действовать быстрее. Я боюсь, что кто-то может прознать о нас.

Единственный вариант – создать антидот. Но шансы нулевые. Иначе настоящая лаборатория уже давно бы изобрела лекарство.

- Прости, если это тебя убьет.

Он делает Джессу укол, наклоняясь в сторону, чтоб на него не попали летящие во все стороны брызги слюны.

*

Ну все, пора. Он открывает дверь и его обдаёт волной тепла, как из микроволновки.

Он и не задумывался, до чего же нелегко в городе избавиться от тела. Надо было с самого начала так и сделать. Позвонить в службу и сказать, мол, у меня тут друг подхватил бешенство. Они бы без всяких вопросов пришли и застрелили Джесса.

А как теперь это все объяснить? У него в квартире полно лабораторного оборудования, шкаф на замке, а он ходит поздно ночью за мясом. И еще одна проблема: Нельсон.

Не факт, что Джесс мертв, но он не двигается. Так или иначе, это жестокое обращение с животными. И еще куча преступлений на каждом шагу. Опасные биологические отходы. Насильственное заражение. Какое-то время он пытался заставить Джесса носить одежду, но что поделаешь, когда он ссыт не задумываясь, и даже если он не подхватит от этого какую-то заразу, он будет чесаться, а это только мешает лечению (Иран гадает, понял бы это кто-то еще, или его проблемы с ощущениями наделили его кожной интуицией, будто он был в шкуре Джесса, симпатией, возникшей еще в первые дни его жизни, когда влага, тепло, свет и звук были чем-то неконтролируемым...), к тому же надо еще стричь ему ногти, волосы...

Даже если у тебя поехала крыша, твое тело все равно продолжает расти. Ты все движешься вперед во времени, и твой облик становится чем-то отдельным. Это несоответствие сводит с ума.

Он делает шаг в темноту шкафа. Без противозапаха запах ужасный. Но даже когда дверь закрыта, аммиачный запах просачивается в неожиданные места. Он чувствует его, когда стирает одежду, когда стоит за плитой и жарит бургеры, в постели, когда пытается помастурбировать перед сном. Знакомый аромат скотного двора.

Он уже протянул руку чтоб выключить свет, но тут Джесс моргает.

- Джесс?

Никакой реакции. Так что он натягивает костюм и противогаз и берется за уборку.

- Я же гермафоб. Очень смешно, - произносит он с жалкой произвольной улыбкой.

И очень неприятно. Но все не так уж плохо. Джесс отлично умеет слушать. Ирану всю жизнь не давали ни слова вставить, все говорили куда быстрее и уверенней. Теперь же он может размотать весь клубок мыслей, упорядочить их, добавить все необходимые преамбулы и заметки...

Он замирает и выключает воду. На полу что-то выцарапано, прямо у руки Джесса. Буква? Или просто следы.

- Джесс?

- Хннннн.

- Отличное начало. Молодчина, Джесс.

- Хггххххх.

Каково Джессу смотреть на костюм химзащиты, вместо друга? Каждый день, он тут как сраный астронавт. Иран касается рукой ноги Джесса:

- Не сдавайся, хорошо?

Джесс рычит, но в глазах у него что-то застыло. Или Ирану так кажется. Для того собаки и нужны. Идеальный организм для психологических проекций.

Не сдавайся. Что это вообще значит для собаки? Конечно, главное – с каким тоном это сказано. Но Джесс не пес, и это всего лишь метафора. Пример для объяснения.

Он снова рычит, на этот раз громче и дольше.

- Джесс. Это я.

Джесс бросается на него и Иран приземляется на задницу. Нужно убираться, ради Джесса. А то ошейник перережет ему шею.

- Есть еще один вариант. Посиди, эм, посиди тут.

*

Он набирает жидкость в шприц. Состав почти тот же, с лишь небольшими изменениями. Может эта доза убьет Джесса, но это все равно лучше, чем эвтаназия. По крайней мере для Ирана. Ведь у него только благие намерения.

Но если она не сработает, пусть лучше это будет полным провалом. Что-то должно измениться. Когда он только начинал, преисполненный оптимизма, страх еще можно было как-то подавить. Но теперь он снова перепуган. Нельсон разрушил их маленький мирок.

Страх превращается в злость, злость обратно в страх. В этом шкафу злиться очень страшно. Он боится, что на него каким-то образом попала слюна. Но он имеет право злиться. Правда, гнев всегда кажется праведным.

Если он, в одиночку, смог заботиться о Джессе все эти месяцы, что мешало лабораториям? Всех не спасти, но могли бы и постараться. После той вспышки заражений в лаборатории на восточном побережье всеобщая паранойя только усилилась. Всем тогда казалось, будто они оказались в романе ужасов.

Но с тех пор ничего интересного не происходило, стояло лишь постоянное, удручающее напряжение, без всяких перемен или сюжетных поворотов, одна лишь сплошная тянучка.

Он нежно поглаживает Джесса, молясь, чтоб он не проснулся. Спина у Джесса гладкая, за исключением редких шрамов. Он еле держался. Но у него до сих пор есть лицо. Для человека это важно.

Он находит вену и проникает туда иглой.

*

Он все ждет, что лекарство не подействует. Он листает записки, самые первые, когда все еще пытались понять, откуда болезнь взялась.

Информация беспорядочная, большинство историй больше смахивают на страшилки, пропаганду, теории заговора или просто шутки.

Ему вспоминается одна повторяющаяся деталь. Тяжело понять, действительно ли это что-то важное или ее просто подхватил интернет, корелляция это, или копипаста. Сплошные итальянские блюда. Но чем-то ему этот пост запомнился. На вид он был весьма заурядный, да еще и на забытом форуме, автор даже не пытался донести какую-то конкретную мысль.

Но он написал, что ему кто-то улыбнулся. И тогда все началось.

Пост давно удалили. Надо было его сохранить.

Большинство мемов о заболевании преподают его как ярость. Лол. U mad? Его коллеги тоже так считают. Мы против них. Осторожные против несдержанных. Они накурились или напились, поехали куда-то, переспали с кем-то, дали слабину. И теперь они очередная бешенная цифра, потому что они не в силах сдерживать свои импульсы, а нам за ними убирать.

Это никакая не ярость. Той ночью он видел в Джессе все. Ужас. Отчаяние. Удовольствие. Может им будет отлично житься, если мы дадим им себя сожрать. Тут с головой хватает

психологии, самое оно для дилетантов. Он всю жизнь этим увлекался, ему ведь пришлось самостоятельно изучать неписанные законы общества, а в тринадцать у него даже была собака. Он почти специалист.

И даже если найдется кто-то умнее, проницательнее, кто-то, кто лучше разбирается в неврологии, только одному Ирану не насрать.

Что-то примешивается к белому шуму. Он только сейчас понимает, что это за звук. У него в шкафу кто-то плачет.

6.

Так странно, что Джесс снова говорит. Он все извиняется, раз за разом, и Иран чуть не отвечает, что он не виноват. Что это болезнь. Она завладела твоим телом. Так уж Иран устроен. Нужно провести анализ. Разграничить проблему. Решить ее. Конец.

Он смотрит как Джесс ужимается в угол шкафа, дрожа, будто он пытается сбежать из собственной шкуры. Одними словами тут не поможешь.

Костюм эпидзащиты морщится, Иран обнимает Джесса.

- Ты в порядке.

Двузначно звучит. Он надеется, что прав и о том, и о другом. Физический контакт, похоже, помогает, потому что Джесс расслабляется в его объятиях и делает глубокий вдох.

- Ну здесь. И. Вонь, - хрипит он.

- Ага, - теперь уже Иран не находит слов.

Ему не верится, что получилось. Не верится, что он говорит с кем-то, потерявшим способность к речи. С бешеным зверем.

Джесс вылезает из объятий, пластиковый костюм липнет к его потной коже.

- Я кого-нибудь убил?

Иран задумывается.

- Я же жив, разве нет?

- Ага.

Ирану всегда было любопытно, что случилось с его сестрой. Или может Джесс заразился по пути к ней. Может ему попался какой-то уличный проповедник, брызгавший всюду слюной.

Но когда Джесс вернулся, он все еще был в себе. Еле-еле.

- На тебе не было крови. Когда ты пришел сюда.

- Это хорошо.

*

Джесс усаживается на кухонном полу, солнечный свет заливает его лицо. Он прикасается к губам, ощупывает рот, будто в первый раз, и внезапно ахает. На кончике его пальца раздувается капля крови.

- Такое ощущение, будто я был под наркотиками. Натворил что-то очень плохое. Чувствую всем телом. Ртом. До сих пор ощущаю, какие звуки я издавал.

Шрамы от рычания.

- Я был в сознании. Но все было таким смутным. Я не знаю, как все вспомнить. Но все равно больно.

- Помнишь что-то до того, как заразился?

- Твою мать, - Джесс прикрывает рот рукой.

Ирану кажется, что он вручил Джессу запретный плод. Проклятый дар, знание греха, память. Как там та цитата, которую любят лепить в начале фильмов ужасов? Тот, кто становится зверем, избавляется от боли человеческого бытия? Только наоборот.

Он не знает, как ответить, так что просто ставит на пол стакан с водой. У Джесса до сих пор хреновая осанка, никаких столов и стульев, он просто прислоняется к стене, будто иначе он вообще не может сидеть. Это к лучшему. Нужно поместить их обоих в карантин. Измерить вирусную нагрузку Джесса. Нельзя исключать бессимптомную передачу.

Джесс поднимает стакан дрожащей рукой.

- Спасибо.

Он с трудом пьет. Грязные отросшие волосы скрывают его покрасневшие карие глаза.

Иран сидит на расстоянии, которое, как он надеется, будет средним арифметическим между человечностью и безопасностью. Его глотку переполняют вопросы. Он может из первых уст узнать, каково это, быть бешеным. И наконец услышать то, о чем он так долго, еще с первого дня, впустую гадал.

- Что с тобой произошло?

ТОГДА

Такси останавливается у дома его сестры, и Джесс выходит из машины. Он один посреди тихой улицы. Солнце опускается за горизонт.

Разбитое окно. Он достает перцовый баллончик, хотя знает, что, если на него кто-то нападет, лучше просто бежать. Баллончик бьет недалеко.

Он дергает за ручку. Открыто. В фойе пусто. Он заходит, готовясь в любую секунду выскочить обратно.

Его сестра выходит из кухни с убитым видом.

- Привет, - говорит он. И тут же замолкает. Потому что ему, в отличие от нее, нечего сказать.

- Приехал навестить меня?

- Ага.

Ее рука опускается из-за спины. Из-за ее пояса.

- Что случилось.

- У меня больше нет парня.

- Черт.

- Он вернулся из командировки. Не в себе.

Она оглядывается на разбитое окно.

- Я успела схватить свой пистолетик.

Кровь на полу. Но тела не видно. Значит аварийные службы тут уже побывали.

- Я не подпустила его ближе, чем на полтора метра.

*

Он остается ночевать. Не специально, он уснул у ее постели. Он читал ей какие-то глупые посты, как когда-то давно, старался ее отвлечь. Но проблема не в ее мыслях, проблема проникает в тело, гипотетическое становится настоящим, и он все гадает, во что произошедшее превратит ее. Как с его детишками-пациентами, брошенными в море горя.

Она сильная. Она справится. Он засыпает, повторяя эту мантру.

Утром она, перевернувшись на бок, берет его за руку. Потупившись, говорит ему, что ей надо сдать анализы. Обязательные анализы после потенциального заражения. Но она защищалась пистолетом. Так что все будет в порядке. Это как с презервативами.

Люблю тебя, сестренка.

По пути в гостиницу он решает зайти в бар. Вышибала лениво наставляет на него лазерный термометр.

Ему пиздец как хотелось выпить, чтоб все растворилось, все эти жалкие меры предосторожности, волнения за сестру, единственного родственника, с которым он еще держит связь, не считая односторонние звонки маме, живущей в доме престарелых. Раствориться в этиловом спирте. В безопасности и тепле.

Это что, Дреа? Они учились в одной школе. Но она его не вспомнит. Он еще давно уехал, и они крутятся в совсем разных кругах, маленькие хомячки в большой взрослой жизни...

- Джесс?

- Дреа. Нихрена себе.

- Ага. Жива еще.

- По тебе видно.

- Хорошо выглядишь. У тебя здоровый вид.

- Хаха.

- Все в порядке?

- Да. Просто ты в школе такой стеснительной была. Черт. Извини, грубо прозвучало...

- Это было так давно.

Она улыбается. Это главное. Он не хочет провести ночь в одиночестве.

Они обсуждают Рэйч. Они все тогда дружили, и сначала он встречался с Дреей, потом с Рэйч, и потом он переехал на запад, потому что там нашлась отличная работа...

- Она все такая же сучка?

Он смеется, притворяясь, что не знает, как ответить. Затем допивает свой коктейль с шиповником.

- В общем.

- Снова Джесс за свое. Толкает речь, - она жестикулирует, повторяя его движения.

- Хаха. В общем. Она в курсе, что она ужасный человек. И, мне кажется, все мы такие, в глубине души, так что больше всего меня раздражает, когда люди не осознают этого. Почему просто не признать, что мы гребаные животные.

- Ты прав, Джесс. Мы животные.

- Хаха. Эм. Мне надо, это... - он тыкает пальцем в сторону уборной.

*

Дверь приоткрывается, и в комнату на секунду вливаются звуки караоке.

- Дреа?

- Скучновато тут.

Он застегивает ширинку и берется мыть руки. Внезапно он понимает, что ему надоела заправленная спиртным болтовня прямиком из плохого кино:

- Эй. Было весело повидаться.

- Но?

- Обязательно вслух говорить?

Скажешь вслух - и прозвучишь, как плохой человек.

- Говори.

- Я не собираюсь, эм, изменять Рэйч.

Она целует его, и он не останавливает ее. Но обязательно остановит. Он должен первым остановиться, тогда это не считается. Просто страстный поцелуй, как в кино. Герой сначала удивляется, а потом отказывается. И он действительно удивился. И обязательно прекратит. Потому, что он хороший парень.

Такой теплый, влажный поцелуй. Она что, не проглотила свой коктейль?

У него что-то твердое на языке. Он выплевывает ее зуб в раковину. Зуб скатывается и наконец падает в трубу, за ним, стекая по фарфору, тянется кровавая слюна.

Он отталкивает ее, и она, спотыкаясь на высоких каблуках, приземляется в писсуар. Она поднимает на него взгляд, у краев ее рта пенится кровь.

- Уже поздно. Так что постарайся хоть получить удовольствие, - в ее голосе слышна какая-то нежность, как будто она напугана или извиняется.

Он наконец замечает грусть, крившуюся под ее напускной храбростью. Она догорала.

Он убегает, но бежать больше не от чего.

ТЕПЕРЬ

Джесс смотрит в окно. Воспоминание кажется ему плохим фильмом ужасов, увиденным в детстве.

- Нужно сказать сестре, что я в порядке.

- Хмм.

- Она должна знать. Она сначала парня потеряла, потом меня, вдруг она решит покончить с собой?

- Думаешь она пойдет на такое?

- Не знаю. Но я волнуюсь за нее. Особенно после того, что с папой случилось.

- Ага.

- С ума сойти, как люди только привыкают ко всему. Эпидемия за эпидемией, теперь, это...

- он показывает пальцем на свой рот. – Как люди это вообще переносят? Это же не человеческая жизнь. Но мы обманом вынуждаем друг друга жить.

Чайки ходят по крыше. Где-то вдалеке идет дождь.

- Эй, - говорит Джесс.

- Да?

- Спасибо, что заботился обо мне.

*

Джесс селится в мансарде. Бешеный аскет, отрекшийся от греха передачи вируса. Обычно они переговариваются между этажами, как взрослая версия общения с соседом по двухэтажной кровати, но он спускается вниз, чтоб сходить в туалет, за едой, и задерживается там, прикрывая стыдливо рот, и они говорят. Джесса мучает жажда общения несмотря на то, что его голос изменился, и он поэтому стесняется.

- Я тебе дам немного скополамина. Должно помочь со слюноотделением, и может от головокружения тоже.

- Откуда он у тебя?

- С работы.

Джесс окидывает взглядом лабораторное оборудование:

- Ты это все украл?

- По большей части.

- Нихрена себе, Иран. Я и не знал, что ты на такое способен.

- Последние десять лет так удивляю.

- Хахаха, - у него течет слюна.

Иран достает маску, но тут же выбрасывает ее:

- Нам нужно что-то, что не пропускает жидкость.

Он заказывает щиток для лица, как у официантов. Его привозят на следующий день. Джесс надевает его и смотрится в зеркало:

- Я похож на зомби из Макдональдса.

- Стильно.

- Хахаха, - слюна бьет о пластик.

*

Иран дергается от каждого резкого движения Джесса.

- Ты все еще меня боишься.

- Я не тебя боюсь. Я боюсь вируса в твоей слюне.

- Разве ты меня не излечил?

- Не знаю. Может быть. Или тебе могут потребоваться регулярные дозы.

- Что, всю жизнь теперь?

- Мне кажется лучше так, чем срать в шкаф.

- Нннн, - за щитком собирается фрустрация. – Я долбаный фонтан, ну сколько можно?

- Не знаю. Но ты понимаешь, какой это прорыв, что ты вообще говоришь?

Джесс хватается апельсин и начинает его потрошить над мусорником, капая соком в черный пакет.

- Ауч! Твою мать!

- Что случилось?

Джесс выплевывает окровавленную шкурку.

- Моим зубам пиздец, полный пиздец...

Иран сомневается, что его зубы вернутся в норму. Было бы слишком просто, как в сказке. Джессу остается только выживать в собственном теле.

- Я не могу рот закрыть, смотрится по-дурацки...

- Не знаю что будет с твоими зубами, но во рту они помещаются, как-то же он у тебя закрывался. Нужно просто научиться.

Джесс отвечает ему угрюмой, жалкой улыбкой, будто он пытался скрыть ее или изобразить ироничную ухмылку. Но зубы не дают.

7.

Он сидит на диване, дожидается образца крови. Снаружи темно. Квартира вся провоняла. Он слышит, как Джесс возится в ванной, наверное, опять рисует на зеркале. Тяжело его укорять, он столько в конуре просидел.

Джесс выходит, побритый наголо, на шее краснеет порез. Он подходит, нервно потрагивая зубы. Тык тык тык.

- Иран.

- А?

Иран начинает отодвигаться, но Джесс уже присел у дивана и смотрит на него слезящимися карими глазами, от него так и несет болезненным жаром.

- Ты что делаешь?

Он кладет руку на голову Джесса, чтоб тот не брызгал ему слюной в лицо. Но прикосновение ненароком будит в нем воспоминания, как он в первый раз понарошку дрался с братом, и до чего же тяжело удерживать беспорядочную массу колющихся, выскальзывающих из пальцев волос на человеческой голове, а под волосами мягкие, эластичные ущелья глаз, ноздрей, губ, и в конце концов твои попытки обороняться начинают угрожать партнеру, и приходится остановиться, пока ты ему не повырывал волосы или еще чего похуже.

Волосы Джесса отдают морской водой из пластиковых бутылок, плывущих по Большой Тихоокеанской Мусорной Куче.

- Джесс. Пожалуйста.

Джесс с глупым выражением лица принюхивается к подмышке Ирана:

- Что?

- Ты без щитка.

- Я не собираюсь носить эту хреновину.

- Тогда отойди на безопасную дистанцию.

Джесс залазит на диван, с каждым сантиметром сжигая дотла очередной удар сердца.

- Чего ты меня трогаешь?

- Ты весь такой сдержанный. И ты считаешь, что я слабак.

- Ничего по...

Что-то рассекает кожу на руке Ирана. Он делает вдох. Слюна Джесса стекает по его запястью, сначала прозрачная, затем красная.

- Ты такой острый, Джесс.

Просто потрясающе. Рот, полный ножей.

Джесс размыкает челюсти и Иран медленно достает руку. Из раны течет кровь.

- Больно.

Джесс начинает облизывать рану и Иран думает бежать. Но он уже ранен. Слишком поздно. И Джесс всем видом показывает, что раскаивается. Лижет, вычищает рану, зараженной слюной, которая по ощущениям ничем не отличается от обычной.

Иран был прав. Он вовсе не изобрел лекарство. Это было бы слишком просто. Он нашел компромисс. Дорогой, кратковременный компромисс. Это совсем не круто. Пенсионеров и так оставляют на съедение червям в домах престарелых, так что же будет с непростыми, голодными, и способными к передвижению людьми, у которых не осталось ничего, кроме простого яростно бьющегося пульса? Это как в мире, где какие-то животные едят представителей своего же вида. Как их там звали?

Он идет в ванную промыть дыры в руке. Разглядывает себя в зеркале, пользуясь возможностью, пока он еще узнает себя. Освещение придает коже влажный вид. В глазах красные вены. Как будто он уже заразился. Но он знает, что это из-за стресса. Может ему надо отдохнуть. Пересечь Рубикон бешенства. Должно быть он жутко устал, если ему приходят в голову такие мысли. Просто мысли. Нелогичные мысли. Первый признак чуждых приоритетов.

Нужно браться за работу. С каждым часом он все меньше сможет доверять себе.

*

После ужина Джесс ведет себя поспокойнее. Даже сначала попробовал есть приготовленный Ираном татарский стейк вилкой, но в итоге все равно залез лицом в тарелку. Теперь он смотрит на Ирана своими большими, как у какого-то животного, как же его, глазами.

- Думаю с твоим аутизмом у тебя есть, эм, наверное процентов на двадцать больше времени.

- Помолчи, - Иран что-то черкает в блокноте, по странице расплывается капля сырого мясного сока.

- Уже крыша едет?

- У меня не едет крыша.

Я, в отличие от тебя, не хомячок. Долгие годы самоподавления готовили меня к этому моменту.

- Извини. Хаха. Извини. Правда. Я просто не хотел, чтоб ты меня бросил.

- Я знаю.

- Если ты со мной в худшие моменты не справляешься... эм. Чтоб тебя.

Иран переворачивает страничку и продолжает писать.

- Извини, извини.

- Интересная идея, вообще то. Мой мозг защищает меня от резких эмоциональных перепадов. Такое особо не изучают, по крайней мере у взрослых. Так что можно считать, что это волшебство. Я заслужил это право.

- Ага. Когда мои детишки перестали быть детьми, с ними было ничего не поделать. Я просто сидел в той комнате, помнишь ее, уютная такая, с креслами-мешками, и они просто смотрели на меня, или в пустоту, или смотрели на меня и видели пустоту, и я смотрел на них, и видел будущих взрослых. Но не мог же я им сказать, что их ничего не ждет. От этого им бы стало только хуже. Чтоб двигаться им нужна надежда. Чтоб у них был хоть какой-то шанс. Иначе у них будут комплексы.

- Ага.

- Ты для них - как путешественник во времени. Взрослые – путешественники во времени. Только они не могут рассказать ничего. Потому что иначе либо детишкам конец, либо уволят. Никто не захочет тебя слушать. Твою мать.

У Джесса из пальцев идет кровь. Он прокусил себе ногти, а теперь и кожу. Ирана это очень беспокоит. Он так может занести инфекцию, и Иран не готов задумываться о своих будущих аппетитах, узнавать о них от путешественника во времени, ему до наступления этого лихорадочного будущего еще хватает серьезных дел.

Он находит пластырь. Джесс поскуливает, когда он обхватывают его рваные кончики пальцев.

- Не дергайся.

На последнем пластыре Джесс начинает опираться на Ирана, у него кружится голова, и Иран не уверен, это от того, что он плакал, или от голода, или от всего сразу.

- Должно быть. Должно быть то, что случилось с твоей семьей. Сильно на тебя повлияло.

Каково это, целой семье вместе потерять зубы. Все собрались в спальне, вокруг кровавой лужи с зубами. Воют. Все громче и громче.

Этот звук с ним навсегда. Их ужасающий вой. Только его предательский голосок все не присоединяется.

- Я тебе не пациент, Джесс.

Джесс обнимает его, дрожа, стараясь не укубить его.

- Я знаю, у тебя тоже есть эмоции. Ты просто их не показываешь так явно. А повнимательнее присматриваться никто не стал.

Лихорадка, которая Ирану казалась запертой в его теле, теперь повсюду. Он не может найти позу, в которой он когда-то сидел, прячась под умывальником в доме, где его семья потеряла зубы, и в которой он с тех пор сидел, чтоб уместится в мир людей, которым вовсе не хотелось задумываться, каково это, остаться без зубов, вместе, или одному, и обрести новые, одному или вместе.

- У тебя на самом деле нет ко мне чувств.

- Почему же?

- Это все болезнь. Она влияет на твои барьеры.

Джесс почесывает шрамы от ошейника на шее, изо всех сил сосредоточившись на порядке слов:

- Послушай. Серьезный ты болван. Жизнь – это все, что с тобой случается. Минералы, пыльца, микроскопические частицы пластика, наркотики, отсутствие наркотиков, музыка, отсутствие музыки, сколько в тебе сахара, все это жизнь, твои показатели постоянно меняются, что-то жмет на твои кнопки, и ты даже не в состоянии заметить. Мы сделаны из всего этого, нельзя просто все взять и разделить, разложить по полочкам, и тогда уже принять правильное для Ирана решение. Так что если хочешь, чтоб я отвалил, так и скажи, или...

Иран целует его и замирает, как жертва, когда зубы Джесса накрывают его рот горным обвалом, Джесс может откусить его как кусок мороженого, во рту у него столько слюны, что ему приходится глотать, чтоб не поперхнуться, и раздаются резкие щелчки эмали об эмаль, как трескающийся лед на озере, но он жив, все еще жив, до сих пор жив, и кто-то из них порезался языком, он не уверен кто именно, но они горят вдвоем. Он и парень сверху, парень у которого волосы выглядят так, будто он полгода жил в шкафу, парень, пытающийся не откусить ему лицо.

Он встает рано и берется перечитывать свои заметки. В основном просто из ОКР. Чрезвычайной неуверенности в себе. Его отвлекает шум. Джесс влетает в комнату, чуть не столкнув Ирана с кресла.

- Доброе утро, - здоровается Иран.

- Извини.

- Я же не упал. Ничего страшного.

- Я не за это извиняюсь. За все остальное.

- Например?

-Чего ты не злишься, что я укусил тебя?

- Я злился.

- Разве? Мне так не кажется.

Иран не повышает голоса:

- Хочешь, чтоб я злился? Можем поссориться, если тебе от этого будет легче.

- Я не...

- В нас ничего особенного. Мы одна и та же болезнь, скоро мы столкнемся и превратимся в кучу биомассы на полу. Мы перебьем друг друга.

- Снова ты за свое.

- За что?

- Строишь мрачные стены вокруг себя.

- Мне просто кажется, что у нас обоих нет права упрекать друг друга.

- С чего бы? Я рад, что ты на мне эксперименты ставил. Иначе я бы умер.

-Я не об этом.

- А о чем же?

Тишина.

- Что-то случилось?

- Один раз мне пришлось тебя успокаивать.

- Успокаивать?
- Видишь шрамы на шее? Ты слишком сильно тянул за цепь.
- Это я понимаю. Но успокаивать – тот еще эвфемизм.
- Эм.
- Ты чего краснеешь?
- Я не краснею.
- Ну расскажи уже.
- Ты там. Возбуждился.
- Вот как.

Иран сосредотачивает взгляд на экране ноутбука.

- Значит ты мне, типа, подрочил.
- Работа есть работа.
- Не то слово.
- Джесс...
- Я не шучу. Я тебя знаю. Ты просто старался обуздать творящийся хаос.
- Да.
- Учитывая твои проблемы с ощущениями, я вообще поражен, - Джесс что, плачет? До чего же неловкая болезнь. – Ты пошел вопреки всей твоей натуре. И все ради парня, который пытался тебя сожрать.
- Надо было чем-то заняться.
- Хаха. Я слишком близко к сердцу все беру, а?

Иран вытирает пот от растущей лихорадки:

- У меня просто. Никогда не было близких друзей. Я любил бывшую, но я не понимал ее нужд. И я не любитель животных. Но с больным, в котором все меньше от человека, мне вполне уютно. Мне кажется это немного неправильно.
- От правильности тебе легче жить не стало.

Просто существовать. Как механизм.

- Помнишь, когда айти-компании начали специально искать сотрудников-аутистов? Мол, глядите какие из них хорошие работники выходят.

- Ага.

- Мне кажется я игнорировал свои чувства, потому что они были непохожи на то, что люди называют чувствами.

- Типа как когда люди бьют собак или плачущих детей, даже не пытаюсь разобраться, в чем дело.

- Точно.

Джесс тыкается лицом в плечо Ирана:

- Я много-чего не помню. Но когда я с тобой, я знаю.

- Знаешь что?

- Что ты обо мне заботился.

- Я один был с тобой все эти месяцы. Ты бы так кому угодно сказал, будь он на моем месте.

- Нет. Окажись я на твоём месте, я бы сбежал.

- Они найдут нас, - внезапно говорит Иран. Это все слишком, все это, нужно, чтоб Джесс помолчал, он не в состоянии...

- Послушай, - отвечает Джесс, плечо Ирана заглушает его голос. – Я знаю, что все хреново, ужасно, пиздец, ты прав, нам конец, я все понимаю. Но сейчас мне лучше.

- Убедительный аргумент

- А так убедительно?

Иран дергается, и чуть не роняет пробирку.

- Это типа важная научная пробирка?

- Да, Джесс. Это важная научная пробирка. Я пытаюсь сделать так, чтоб нам мозги, эм, не разорвало.

- В чем дело?

- Ничего.

Иран аккуратно ставит пробирку в подставку и кладет голову на стол. Его ладони тоже прижаты к столу. Он смотрит на небо через большое окно. Пролетает чайка. Стоит строительный кран. Утренний бриз расчесывает пурпурные облака.

- Кхм.

- Да?

- Угу.

- Ага.

- Только постарайся аккуратно.

- Чего?

- До химчистки далеко идти. И я не люблю липкие ощущения.

- Хахаха.

- Говорю же, аккуратно... - ладони Ирана дрожат, пальцы вытягиваются, небо плывет.

Джесс все делает аккуратно. Он быстро двигает ртом, затем перехватывает рукой, самую чуточку прикусывает, и Иран еще сильнее кончает, опустошаясь от страха, и Джесс ловит ртом каждую каплю. Когда он улыбается, его тесно смыкающиеся клыки будто таят, и между ними растекается белая жижа.

9.

Иран вылезает из такси. Кажется сегодня жарко, но ему тяжело сказать.

Он доходит до входа в институт, но, перепугавшись, резко разворачивается и притворяется, что смотрит в телефон. Мимо него проплывают коллеги, входная дверь качается из стороны в сторону, а он все смотрит на экран блокировки. Они ткнут его вспотевшее лицо тем термометром-пистолетом, и пистолет превратится в настоящий -

Он так не может. Он ускользает по улице в магазинчик на углу, в зал с холодильниками, где-он когда-то покупал пиво. Надо охладиться. Без понятия, сработает ли, но от мысли ему легчает.

Он набирает номер. Странное ощущение. Он никогда ни с кем не говорит по телефону. Только СМСки и электронная почта. Он и не рассчитывает, что она ответит. Разве может что-то настоящее вторгнуться в полный вакуум смешанного торгово-промышленного района, где он работает, на окраине смешанного торгово-жилого района, где он живет?

- Иран? – в ее голосе слышна капля удивления. Потому что он звонит по телефону, или вообще потому, что связался? Наверное, и то, и другое.

- Привет, Наин.

- Все в порядке?

Он прижимается телом к стеклу холодильника. Для максимальной площади соприкосновения.

- Ага.

- Класс.

- А ты как?

- О, я ничего. Вернулась к семье. Устала, наверное. Очень устала.

- Тут я тебя понимаю.

- Ага. Я за тебя беспокоюсь иногда.

- Не беспокойся.

У него так много забот, что загружать ими чужой мозг будет аморально.

- Нашел себе новых друзей с тех пор, как, эм...

С тех пор, как Джесс пропал?

- Ага. У меня появился очень близкий друг.

Он меня кусает, все дела.

- Отлично. Я очень рада, что у тебя кто-то есть.

- Приятно снова услышать твой голос, - он отвечает, чересчур поспешно.

Из трубки раздается далекий металлический смех:

- Я тоже рада тебя услышать.

- Так. Эм. Чем занимаешься?

- Если честно? Последние два месяца я только сидела в нестиранной толстовке и играла в Симс.

Он смеется, и стеклянная дверь холодильника запотеваает.

- Тяжело сейчас чему-то радоваться. После всего.

- Ага, - он отлично понимает, о чем она. Ему так хочется ей все рассказать.

- Не нашел себе какое-нибудь новое хобби?

Может можно рассказать ей капельку. Осторожно:

- Я взялся изучать, ну ты поняла. Все это. По-любительски.

- Почему по-любительски? Ты же все там же работаешь, да?

Он отрывает лицо от стекла и вытирает слюни рукавом. Нужно не забывать почаще глотать.

- Мне кажется их другие вопросы интересуют.

- Ага. Мне тоже в академических кругах нелегко пришлось. Они так оторваны от того, что должны изучать.

- Точно. Их не интересует, как это лечить.

- Погоди. Ты что, разрабатываешь...?

- Ну так, немного. Мне кажется, они не изучили все возможности.

- Ну. Надеюсь, это занятие тебе помогает.

- Ага, - она наверняка беспокоится, что он на этом помешался. Но, наверное, когда у тебя в шкафу заперт бешеный чувак, беспокоиться уже поздно.

- Нужно двигаться вперед. Несмотря на боль. Так что сильно не зацикливайся, ладно?

- Постараюсь.

- Мне пора. Родители приготовили лазанью.

- Завидую.

- Приезжай как-нибудь. Знаю, учитывая происходящее, летать сейчас страшно, но. Думаю, путешествие пошло бы тебе на пользу. Ты явно плохо высыпался.

- Мне все так говорят.

- Сон вообще важная штука, Иран.

- Я иногда засыпаю под твой плейлист с блэк-металом.

- Охренеть. Я совсем про него забыла.

- Спасибо.

- Круто, что ты его слушаешь до сих пор. Я бы сама не прочь послушать, вспомнить какие группы раньше любила.

- Ага.

- Помнишь тот трек про темных эльфов...

Он вздрагивает.

- Ты не заболел.

- Нет. Холодно просто.

- Серьезно? У тебя-то?

- Морской ветер очень холодный. Иногда.

Он рассматривает банки с напитками. Хочется пить. Но он не в настроении для сладкого. Вот будь здесь что-нибудь такое, чтоб привести этот пиздец в порядок.

Он уже жалеет, что позвонил. Скоро он тоже пропадет без вести. Или окажется подопытным, не реагирующим на лечение. Его поспешно кремируют, это будет апогей его лихорадки. И тогда он снова резко исчезнет из ее жизни.

Но пока у него еще есть мозг, он должен заботиться о Джессе.

- Иди ешь лазанью.

- Хорошо, Иран.

- Пока, - отвечает он, но не кладет трубку.

- Эй. Береги себя, ладно?

- И ты, Наин.

- Телефон гудит. Она еще на связи.

Он сглатывает вечно текущую слюну, прокашливается:

- Эй.

- Да?

- Ничего.

- Ты точно в порядке?

- Угу.

- Ты всегда угукаешь, когда боишься, что голос дрожит.

Тишина.

- Извини. Странно такие вещи говорить.

- Ничего. Я рад, что ты меня так хорошо знаешь.

Ее очередь молчать.

- Жить буду. Нужно только высыпаться получше.

- Надеюсь, что ты когда-нибудь будешь не просто жить.

- Взаимно. Извини, что. Эм. Я очень постараюсь.

- Хорошо, - на заднем плане слышны ее родители. Приятные звуки старшего поколения, привыкшего к своим охрипшим голосам. – Мне пора. Но если что, звони. Хорошо?

- Спасибо, Наин.

Он выходит из помещения с холодильниками, мимо косящегося кассира.

*

Такое ощущение, будто спертый воздух в коридоре, где расположен пункт охраны, стоит там с самого начала пандемии, весь пронизанный паникой.

Он даже не замечает свою ошибку, пока перед ним не остается один человек. У него же на руке бинт. Но для перчаток или куртки с длинными рукавами слишком тепло. Он засовывает руку в глубины кармана как раз когда наступает его очередь.

Это кто-то из ребят, которые пули собирали? Эм. Имя начиналось с буквы М. М наставляет на Ирана пистолет-термометр. Он старается сделать пустое выражение лица. Это он умеет. Не зря его в школе роботом называли (да и словами похуже тоже).

М бросает взгляд на экран термометра:

- Не приболел?

Иран слабо улыбается, проглатывает слюну, перед тем как заговорить:

- Похмелье.

Ему кажется, что на лице у Мэдока проглядывается сочувствие. Вот как его звали. Мэдок. Не Мэддокс, Мэдок, он иногда что-нибудь с собой приносит. Сэндвич, или безалкогольный кофе. Может сказать Мэдоку, до чего же хорошо пить на рабочем месте. Или не стоит.

- Смотри не перетрудись.

- Спасибо.

И вот он по ту сторону.

Ну конечно. Сколько раз Нельсон или Рэйч проходили через охрану, воняя перегаром?

Он вспоминает, что не завтракал. У него другой источник энергии. Тепло, заменяющее ему все остальные чувства. Он заглядывает в жалкий офисный холодильник. Безвкусная мертвечина. Запах отвратительный. Как можно есть эти опилки?

Он мотается-перематывается по помещениям института. Притворяется, что работает, как маленький космонавт. Под одеждой чешутся следы от укусов. Все ближе к офису, где лежит то, что ему нужно. К чему описывать окружение, здесь главное Иран, его чувства, его победа, его слава, но, но, он не хочет быть простым платоническим идеалом страдающего манией, ему хочется сохранить свое тихое, жалкое чувство собственного достоинства. Нужно как-то контрастировать с Джессом. Как там писал Толстой? Все бешеные похожи друг на друга, каждый бета-куколд кринжов по своему. Рэрэрэрэ-

Вжжжж. Пластинка останавливается. Рэйч стоит ну слишком близко к ящику, где лежит заветная хреновина.

- Ты сегодня без стаканчика.

- Ага.

- Неужто научился приходить уже пьяным?

- А как на этой работе иначе?

- Как твой начальник, не могу сказать, что одобряю. Но, - она издает нервный смешок, - вынуждена согласиться.

Он тоже смеется. Именно смеется, хотя ему не смешно. Но приятно плыть по течению. Мы же все здесь друзья, а если не друзья, по крайней мере хотим выглядеть друзьями для стороннего наблюдателя. Чего он только сейчас это понял?

- Это у тебя травма на рабочем месте?

Рэйч глядит на его руку. Обмотанную большим, красивым бинтом. Закрывающим дыры, сделанные ее парнем.

- Не стану врать.

- Хорошо.

- Эта травма.

Она внимательно слушает.

- Именно эта конкретная.

- Да?

- Произошла за пределами рабочего места.

- Слава богу.

Как только она уходит, он в ту же секунду открывает шкаф, хватая хреновину, разворачивается и выходит в коридор. С потолка, как животные, кроющиеся в кронах деревьев, свисают камеры. Он успевает припрятать хреновину в сумку, как раз перед тем, как войти в их поле зрения.

Он умывается. Сегодня же пиздец как жарко. Это объективный факт.

- Здорово, Иран!

Нельсон. Держись подальше от моей квартиры, мать твою, Нельсон. Но этого Иран вслух не говорит.

- Привет.

Нельсон останавливается у писсуара:

- Что с рукой?

- Травма на рабочем месте.

- Отстой.

- Ага.

- Что с тобой такое сегодня?

Преступление в моей сумке или преступление в моей крови?

- Хорошо выглядишь.

В отличие от тебя. Алкоголик. Это из-за тебя сюда так просто попасть заразным уродам вроде меня. Ты повышаешь среднюю температуру.

- Спасибо.

Серьезно, спасибо.

- Уже уходишь?

- Уже ухожу.

Просто повторяй слова. Это пустая болтовня. Говорящее мясо. Все мы уходим, Нельсон, машем крыльями и улетаем.

Он уходит, хотя понимает, что Нельсон еще хотел с ним поговорить. Он само воплощение ходьбы, простой архетип, он даже не задумывается о своих движениях. Ноги сами ведут его к выходу, пальцы сами заказывают такси. Он думал как обычно задержаться, но хрен с ним. Надо передохнуть. Скоро все это будет уже не важно. Он все исправит.

Он проходит мимо охранника, эм, Мэдока, вот тебе кивок головой, как мужик мужику, как там работа, эта сраная работа, на которой мы торчим каждый день, в этом механизме, о,

до чего же приятно получить кивок в ответ, оказывается все это время он мог бы кивать, он и не знал, до чего же приятно признавать существование друг друга, и потом - бац - он проходит через дверь и вот он на солнце и оно так жжет.

Он ждет на улице. Так хочется, чтоб кто-то прошел мимо, чтоб он мог поздороваться. Что может быть прекраснее разговоров с незнакомцами? Сейчас он готов вывалить кому-нибудь историю всей своей жизни.

Такси в тридцати секундах.

Черт.

Он прячется в переулок, проходит мимо кучи пакетиков из-под подсластителя и баночек со сливками. Он оглядывается по сторонам. На него пялится чайка. Он улыбается ей. У него изо рта вываливается зуб, и он бросает его в мусорник. Он протирает губы белоснежной салфеткой, валявшейся на земле, дергаясь от ветра.

10.

Иран заходит домой. Там стоит тишина. Он входит в ванную, не включая свет, вместо этого наслаждаясь мягким освещением, пробивающимся через щелку приоткрытой двери.

Дверь открывается, комнату заливают свет, а потом все снова темнеет. Мрак, теплый, как столп невидимого пламени, возвышающийся над ним. Лицо Ирана расплывается в улыбке, но всего на секунду.

- Не сейчас.

Можно и сейчас, но слова звучат как вызов. Он не хочет начинать, если не сможет остановиться.

- Да ладно тебе.

- Я думал мы на одной стороне.

- Скоро будем.

Иран пытается протиснуться между Джессом и дверью, но он поспешил, слишком поздно, рядом с животными нельзя делать резких движений. Его рука оказывается в челюстях Джесса. Вопли ран разрывают его кожу, он будто распадается на мелких животных, как он не заметил, что состоит из котят, хомячков, хорьков и норок?

Что-то не так с этой болью, он слишком легко ее переносит, он вот-вот заблудится, как больной лепрозорием в волчьей норе. Так можно без пальцев остаться. Кровь разливается по белому умывальнику, по туалету, как больно, что эти глаза теперь так далеко.

- Мне больше нравилось, когда ты был совсем бешеный.

Джесс улыбается, будто вот-вот рассмеется, но шутка не удалась. Кожа лопается. Иран прячется в ванную, белое сменяется красным. От каждого укуса его позвоночник изгибается, как лук, изо рта вырывается горячий влажный воздух, и тут же возвращается вовнутрь, он задыхается, не в силах отдышаться, нервы горят.

Твоя мания подчинила мою. Твое тепло обожгло меня. Вой миллиона вольт и смертоносный хлопок, рука прирастает к проводнику, ее не оторвать, кожа обгорает. Ты ходячий сердечный приступ. Болезнь с человеческим лицом. Тонкая оболочка, не оставляющая от меня ничего.

- Я не люблю, когда ты про меня забываешь. Ты становишься жестоким.

Кто-то улыбнулся
и из плоти проклюнулись зубы
падая с деревьев
обкусанная кора
объеденная трава
из нутра жизни
из минерального градиента
Все на свете живое
по-своему.
Кто улыбнулся первым?
Улыбка может изменить твою жизнь.
Улыбку может изменить твоя жизнь.
Красное.

Иран легонько поглаживает собачие волосы, наевшуюся голову. Он так пьян, что Иран может схватить его за шею, весь одурманенный и послушный. Отупевший от крови. Иран отводит его в шкаф и валится на пол. Он стаскивает джинсы и начинает осматривать раны. На бедре, укус сквозь одежду. Может и не страшно. И он пока в состоянии двигать руками. Или лихорадка его обманывает, страх, страх, снова страх, он боится, что не заметит, как истечет кровью. Он задумывается на секунду, не нужна ли Джессу вода после такой физической нагрузки, и тут же начинает смеяться, не веря собственной глупости.

Единственный выход – забота. Забота – это смерть. Единственный выход – забота. Забота – это смерть. Стоит ли тратить на тебя время? Мое время ничего не стоит, но для меня оно бесценно. Так что может у него есть цена. Если за лекарства нужно платить, а без анализов крови, спинного мозга, украденных клеток нет лекарств, и приходится покупать себя обратно в этой неестественной прессованной форме таблеток, я видел, как это все перемалывают, дистиллируют, пропускают через центрифуги, извлекают-

Он в ванной комнате, промывает раны. Раньше он и не замечал, какая она пустая. Единственные декорации, излишества, признаки эстетики – все заперты в стерильном металле ноутбука, планшета, телефона. Сплошная компартиментализация.

В доме, где он вырос, все было заставлено бархлам. Он совсем позабыл. Все эти ежедневные раздражители, положенный ребенку гормезис, все украли тираны памяти. Запахи материнской готовки, сувениры, мелочи, карточки с Покемонами брата под

ногами, даже в серьезном отцовском кабинете были следы его интересов: воздухоплавание и крикет и нарды, внезапный переход от моделей самолетов к моделям роботов, когда он увидел, как Иран их собирает (это он тоже забыл, еще одно украденное воспоминание, весь интерес к аниме и роботам испарился), как он складывает серые деревья с деталями в аккуратные ряды.

До сегодняшнего дня в этой квартире не было ничего, и теперь повсюду на волю выплескивается ослепительно яркая кровь, и запах Джесса, полный голода, нет, жестокости, нет, все эти банальности не подходят. Бешеная вонь жизни в чистом виде. Джесс просто не скупится на кровь. Он ведь такой щедрый. Иран помнит то чувство, тот голосок в голове, когда Джесс шел к Рэйч после работы, а не домой, или когда Рэйч входила в гостиную, пока они играли в приставку, и атмосфера сразу же менялась, мужчина и женщина, их дом, и Иран где-то на заднем плане, снова как в школе, просто тень, запах, чье присутствие лишь изредка замечали.

До этого он не знал, как это выразить, но наконец он понял. Он хотел, чтоб Джесс и к нему проявлял щедрость. Обильное, теплое внимание, желание угодить. Только теперь Джесс хочет поделиться вещами, которые ему не пережить. И он знает, что это все те же качества, которые ему так нравятся в Джессе, но выкрученные до максимума. Поэтому ему так печально.

Но все равно. Он знает, что бывает с телом от бешеного внимания. Так что Джесс еще старался держать себя в руках. Его укусы были как поцелуи. Но это ненадолго. Потому, что каждая пасть растет, чистая или грязная, и одна закрывается, чтоб открыть другую.

11.

Громко играет музыка, но теперь она не только для того, чтоб заглушать звуки. Иран барабанит в такт, Джесс в шкафу стучит по стене в ответ, они переговариваются вибрациями, ну и редкими полу-смешками-полу-всхлипами.

Он промыл свои отверстия, все новые дыры, сделанные Джессом. Он вытер кровь. Он весь в бинтах. Можно браться за работу.

Боже, он и не думал, что на такое способен. Ничто так не мотивирует, как заразиться самому. Всем вирусологам бы так. И с чего бы останавливаться на вирусологах? Каждому хирургу – по аккуратному надрезу перед тем, как начинать операцию, чтоб они медленно истекали кровью в специальный тазик, и не забывали о хрупкости жизни, чтоб ощущали сердцебиение вселенной. А после успешной операции – такой же аккуратный шовчик.

Песня достигает кульминации. Он стучит по столу в последний раз и берет в руки пробирку. Такая скучная прозрачная жидкость. Зачем она ему?

Нет. Погляди на все это оборудование. Это все не просто так. Если потеряешь контроль, они убьют тебя, убьют Джесса. Веди себя как взрослый. Собак надо защищать.

Стук в дверь. Иран выпрямляется. У него гостей не бывает. Значит это не к добру.

Он старается успокоиться. Полицейские так не стучат. По крайней мере в дом его родителей они стучали не так. Он тогда еле встал, чтоб открыть дверь, он боялся, что ему не простят бардак в спальне, и в ванной, и в остальных комнатах. Или решат, что он тоже заражен, и поставят на нем точку пульей. Но тогда еще не проводили полные зачистки, это начали позже, когда стало понятно, что всем плевать.

Он заглядывает в глазок и видит там рожу Нельсона. Он вглядывается в искаженную картину, присматривается в поисках собачьих глаз, но внезапно вспоминает. Оно и так уже внутри.

*

- Не видал тебя на работе сегодня. Ты как?

- Отлично.

- Точно?

- Сказал же, я в порядке. Ты что, намеков не понимаешь?

- Блин, а я-то думал, что ты джентльмен, Иран.

- Никогда такого не говорил.

- Я всего-то волнуюсь за коллегу. За тебя.

- Почему?

- Ты меня игнорируешь.

- Я занят.

- И все это украденное оборудование, о котором я никому не говорил?

- Теперь ты снова мне угрожаешь.

Он напуган, ему не нравится бояться, почему Нельсон его пугает?

- У тебя уже паранойя, Иран. Ты слишком долго один в квартире сидишь.

- Я не один.

- Вот как?

- У меня есть друзья.

- Должно быть они все невидимки, потому что я ни разу не видал, чтоб к тебе кто-то входил.

Разве люди так говорят друг с другом. Нельсон не просто пьян. Он ходячая проблема.

В голову приходит сотня простых злых ответов. Не твое собачье дело. Отъебись. Козлина. Но перепуганное полушарие мозга побеждает:

- Быть стеснительным - не преступление.

- Может если б ты проводил больше времени со мной, у тебя было бы больше опыта общения. – Нельсон улыбается, будто они вовсе и не спорят.

- Убирайся, - разозленная часть мозга победила. Или перепуганная пытается не дать ей подлить масла в огонь.

- Прости. Я всего-то пытался быть другом.

- У меня уже есть друг.

- А что, нельзя иметь двух друзей?

- Уже есть. Ее зовут Наин, она сейчас живет с родителями и играет в Симс. Это она поделилась со мной музыкой, которая сейчас играет. Она была ко мне так добра, хотя я этого не заслуживал. Жаль, что из меня вышел плохой друг. Но у нас были разные нужды. И я до недавнего не знал, чего хотел. Но теперь, кажется, знаю.

- Ладно. Может я смогу тебе ... - Нельсон замолкает. Принюхивается. Ирану интересно, чем же сейчас пахнет. Он уже разучился разбирать запахи. – Я думал, что раз ты стесняешься, может тебе будет приятно, если я проявлю инициативу.

Может быть. Но ты все чуть не испортил.

- Ну хоть скажи, в чем проблема?

- Может в том, что у тебя имя не из четырех букв.

- А?

- Имя должно помещаться на жетоне. Как на собачьих ошейниках. Похоже, только людям с короткими именами на меня не наплевать.

- Ну, всегда есть клички.

Иран не в силах сдержать смех. Вслух, он сам удивлен.

- Что тут такого смешного.

- Теперь тут одни собачьи клички. Ничего не поделаешь.

- Послушай. Я понимаю, что мне до тебя далеко. Но может я могу как-то извиниться-

Нельсон затыкается. Что он заметил? Подозрительную записку, написанную красным маркером, кровавые следы, ведущие из ванной...

- Все в порядке?

- Ага, просто вспомнил, что уже поздно, - пальцы Нельсона касаются кармана с телефоном, секундное бессознательное телодвижение.

Иран смотрит на пробирку. Он был так близко. Но теперь это уже неважно. Боль вытекает из дыр в руке, внезапная и пульсирующая, и в ногах, и на спине, и в сердце -

- Ты как, Иран? Может мне кому-то позвонить или...?

Может Нельсон и смог бы помочь. Из упрямого эгоизма. Одному ведь так нелегко. И все ради дозы, которая только оттянет неизбежное. Он так устал. А та часть его, которая еще полна сил, сжигает его мозг дотла. Огонь, сделавший Джесса узником собственного тела, заперший его в провонявшем шкафу.

Но в этот раз Ирана некому ловить.

Он обнюхивает Нельсона.

- Ты что творишь?

- Ты не собираешься мне помогать.

- погоди, ты мне и возможности не дал.

- Ты просто не мог совладать с собой. И поэтому пришел сюда. Вместо того, чтоб быть с кем-то другим, с кем-то, кого ты встретил до меня.

Нельсон дергается:

- Ты о чем?

- Ты никому не можешь помочь.

- С чего ты взял?

- Потому что ты не умеешь помогать.

Иран снимает бинт. Ну хоть теперь Нельсон равнодушен.

- Это что, укус?

- Вот на что я готов пойти ради кого-то, кто мне дорог.

Нельсон начинает пятиться к двери, на его лице застыла улыбка. У него такие маленькие зубки.

- Уже уходишь?
- Ага, мне уже пора-
- Неужели не хочешь познакомиться с Джессом?
- Джессом? – Нельсон задумывается.
- Ты же знаешь про Джесса.
- Ну да. Чувак, который умер. Или что-то типа того.
- Типа того.
- Он что, вернулся?
- Да, - Иран делает музыку погромче. Нельсону явно неприятно.
- Извини, что я сегодня странный. Пьяный просто.
- В прошлый раз ты сказал то же самое.

Иран берет с кухонного стола ключ.

- Ну, это правда. Я пьян. И мне пора.
- И мне так кажется, - Иран улыбается во все зубы, старые и новые.
- Что за херня.

Иран открывает замок на двери шкафа, но дверь открывается сама.

- Срань срань срань.

Ногти Джесса стучат по полу, и Нельсон наконец бросается бежать, спотыкаясь обо все, он хочет наружу, но Иран преграждает ему путь. Нельсон несется, будто вот-вот собьет Ирана с ног, он ведь выше, сильнее, но он видит блеск слюны во рту Ирана и тормозит, эти капли не дают ему сдвинуться с места.

Нельсон начинает отступать, поглядывая на окна. Неплохая идея. Крыша соседнего здания совсем рядом, она плоская и пустая. Иран и сам неоднократно фантазировал, обдумывал, как ему сбежать, если полиция устроит на него облаву. Но только окна закрыты, и лучше не возиться со ржавыми засовами, если за тобой гонится чувак с собачьим мозгом.

- Твою мать твою мать твою мать.

Нельсон пятится, прислонившись к стене под бой сабвуфера. Надо будет рассказать Наин. Она бы так обрадовалась, что кому-то нравится такая музыка, еще и в высоком качестве. Хай-фай. Dog Boy Surround Sound.

Ну вот. Нельсон попытается опять прорваться к двери. Ирану это так очевидно, что происходящее кажется шуткой. Он снова закрывает Нельсону дорогу.

Нельсон натягивает футболку на нос и рот, какой смешной у него вид, и несется на Ирана, толкает его. Он ударяется об стол, и от удара слюна разлетается у него изо рта, попадая на футболку. Ткань пористая, дышащая, но может Нельсону и повезет, если она не прикоснется к его лицу.

Джесс пытается прыгнуть на Нельсона, но валится на пол от пинка в голову. Может у него и собачий мозг, но мышцы все атрофировались, да и тело не предназначено для передвижения на четвереньках. Иран тоже не особо силен, так что когда Нельсон берет его за шею и крепко сжимает ее, сил ему хватает только на то, чтоб брызгать слюной и хвататься за его запястья. Может через пару дней капли слюны в воздухе за него отомстят.

Хватка Нельсона слабнет, всего на секунду, он пытается взяться покрепче, хватается за подбородок, и рука соскальзывает от слюны, всего на пару сантиметров. Горячий голод, нечто, напоминающее удовольствие от вкуса воды, овладевает челюстями Ирана. Кусать человека – по ощущениям почти как хватать зубами резину, по мозгу разлетаются искры от выбитых предохранителей, которые должны были не дать ему прокусить чью-то кожу. Его укусы слабый, детский, но клычки оставляют отверстия. Нельсон кричит, это ужасный, обреченный крик, крик человека, работающего в лаборатории по исследованию чрезвычайно заразной и неизлечимой болезни. Он изо всех сил бьет Ирана кулаками, раз за разом, выбивает ему зубы, разрушает лицо. Но выпадают только маленькие, слабые зубы, расчищая дорогу острым белым семенам, кроющимся в розовой глинистой земле.

Хахахаха, адреналин, но Иран до сих пор напуган, потому что Нельсон готовится раскрошить ему череп, у него тоже своего рода бешенство, его жизнь и иммунитет унизили.

Джесс кусает Нельсона за ногу, а у него - полный набор зубов, это вам не шутки, животный укус, как удар током, он передается им всем, от кусающего душасшему, от душасшего удушасемому, и вот Нельсон на полу, и их рты жуют, а его – открытый и пустой, за исключением звука, который издают люди, когда их пожирают дикие животные, ничего не значащего в безвременном собачьем трансе вздохов и укусов.

Они рвут, чавкают, отплевываются. Вомиторий. Их рты находят друг друга в красном лабиринте. Джесс льет кровь Ирану в рот. Здесь нет ни намек на вампирскую чистоту, сплошная мякоть вперемешку с горькими побочными продуктами, похлебка из плоти.

Их пасти отпускают друг друга. Иран осматривается, пытаясь отдышаться. Джесс на четвереньках, его лопатки движутся в такт с его челюстями. Тело Нельсона дергается, как механизм. Он пытается что-то сказать, но кому нужны эти дерьмовые словечки, когда так много можно сказать каждым вздохом и прикосновением? Нельзя дать ему сейчас снова изобрести счеты, глиняную посуду и порох.

Но когда хочешь сказать что-то конкретное, от слов есть толк.

- Эй, попробуй, - говорит Джесс, протягивая длинный кусок чего-то красного.

- Острое сашими.

- Ага.

- Только печень не ешь. Он алкоголик.

- А это можно?

- Думаю, да.

- Как я ему, а? Я же тебя спас?

- Ты такой молодец.

Рот Нельсона уже не работает, но глаза еще дергаются. Джесс это замечает:

- Ну что, стоило того, Нельсон? Стоило лезть к собакопарням?

- Кажется ты переоценил свои силы, Нельсон.

Истерический смех.

- Ну ты даешь, - смеется Джесс. – Охренеть.

- Кажется это я, - Иран выплевывает палец. – Переоценил свои силы. Не съел, но...

- Но?

- Но!

- Понадкусывал!

- Хахаха, с ума сойти, - Иран чешет Джесса за ухом. Вдруг ему становится так грустно, грустно, будто он пес, которому внезапно даровали человеческий разум.

Джесс протирает рот рукой, оставляя на ней длинный красный след:

- В чем дело?

- Нам нужно лицо.

- Я не все съел. Я оставил тебе язык.

- Я был лицом. Чтоб тебе никто не навредил.

- А, типа меня бы пристрелили, если бы я вышел на улицу.

- Ага. Нам надо бы этого как-то избежать.

Иран перебирается к столу на четвереньках и с трудом встает на ноги. Странное ощущение, переносить весь вес на ноги, когда они должны держаться за землю, нести его на ней грациозными движениями. Он хватает пробирку, оставляя на ней кровавые отпечатки пальцев. Джесс облизывает другую руку, на ней еще больше крови, как вкусно. Щекотно, но приятно. Чего люди не лижут друг друга целыми днями? У них слишком низкая температура. Их рты – не сауна. Уютное тепло. Он почти и не помнит, зачем ему инъекция. Его заливающийся лаем мозг хочет разбить ее об стену и лечь валяться с Джессом на полу в этом слизком костре кровавого наслаждения.

12.

Иран сидит в кафе и читает меню. Погода приятная, температура идеальная, все окна открыты.

LOW

На нем маска. Лучше про нее не забывать, когда путешествуешь. Их, конечно, носят не так часто, как раньше, все давно смирились с болезнями, как с чем-то сродни автомобильным авариям, но особого внимания на них никто тоже не обращают.

Мимо проносится машина и его голова резко поворачивается вслед за ней. Маска не пропускает влагу, это раздражает его кожу. Напоминает о странных, далеких временах. Но теперь он снова член общества. И у него даже есть друг.

Джесс возвращается из туалета и усаживается на скамейку. Иран чувствует его ласковое радиоактивное тепло.

- Определился?

-Да.

Подходит официант, и они заказывают еду.

KILL

В кафе немного народу. Официанты стоят болтают у черного входа. Джесс приспускает маску, и после недолгих раздумий, Иран следует его примеру.

Джесс сплевывает в пустой стакан из-под воды, теплая, полная бактерий слюна, смешивается со льдом на дне, как замерзшие микробы, разбуженные глобальным потеплением. Он протягивает Ирану стакан, и тот тоже сплевывает. Когда официант возвращается к ним, он говорит спасибо, старательно пряча зубы.

Они едят непрожаренные бургеры и холодное розовое мороженное (оно теперь всегда освежает, независимо от погоды) и милкшейки, укрытые слоем шоколадного сиропа. Завтра все калории сгорят.

Иран рассчитывает следующую дозу на салфетке. У него все лучше получается растянуть эффект. Но до конца месяца им нужно будет приготовить следующую партию, и с запасом. Не у них одних экзотические питомцы

У семьи Наин есть сарай, которым никто не пользуется, там, где задний двор их дома упирается в лес. Оттуда недалеко до тропок, где люди наслаждаются тишиной, и иногда громко пропадают, и возвращаются скользкими созданиями с иммунитетом, настроенным настоящими профессионалами.

Он поднимает взгляд, рассматривая болезнь сквозь линзу парня по имени Джесс. Улыбку, рожденную природой, вопреки всем рамкам и барьерам.

Официант спрашивает, понравилось ли им.

- Все прекрасно, - отвечает Иран, наслаждаясь простым общением. Джесс отворачивается, он стесняется шрамов на губах. Но теперь они куда ласковее друг с другом. Когда у тебя такие острые зубы, нужно быть осторожным с каждым созданием.

SHELTER